

蒲松齡

Предисловие переводчика

У всякого народа, в особенности на заре его культурной жизни, есть смутное чувство, говорящее ему, что те животные, которые его окружают, не так уж далеки от человека, как это кажется, судя по отсутствию у них членораздельной речи — этой типичной принадлежности человеческой породы животных. Наоборот, именно эта жуткая странность, при которой, будучи в данный момент довольными и веселыми, животные не смеются; желая сейчас что-то сказать, не говорят, — эта странность пугает, как неразгаданная тайна, и двуногий царь природы начинает сомневаться в своем непререкаемом владении: наоборот, ему кажется, что его окружают существа, от которых он зависит, которые могут диктовать ему свою волю, благоволя ему или вредя. Одною из таких неразгаданных тайн человеку всегда представлялась лисица — та самая лисица, которая, с одной стороны, была ему неприятна, ворую у зазевавшегося хозяина кур, но с другой — весьма приятна, в качестве превосходной шубы, сшитой из шкуры тех лисиц, что, в свою очередь, зазевались и попались в руки предприимчивому охотнику.

Кто из нас не знает, какими качествами наделил куму-лису, Лису Патрикеевну, воровку-лису русский человек? Кто не знает таких выражений, как «лисить», «лису петь», «подпускать лису», «лисой

пройти», «не волчий зуб — так лисий хвост», «лиса своего хвоста не замарают», «кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела» и т. п., в которых лиса является образом человека лукавого, хитрого, пролазы, проныры, корыстного льстеца? Русский народ, конечно, не оригинален в данном отношении, и все вышесказанное является лишь примером человеческой изобретательности, первобытной, простодушной, наивной. Ей еще так далеко до развитого миропонимания, прошедшего школу научного наблюдения и успокоившего свое жуткое ощущение соседства непонятных животных пониманием биологической панорамы.

Китайский народ, прежде всего, не отставал в этом отношении от других. Так, ему лиса представлялась всегда символом осторожности и недоверчивости. «Лиса сама закапывает, сама же и раскапывает» — при такой подозрительности никакого дела нельзя сделать. Затем, китайцу лиса точно так же, как и другим народам, кажется хитрым и лицемерным существом, водящим за нос сильных и свирепых зверей, как, например, в одной басне, известной не только одним китайцам (хотя и помещенной в одном древнем тексте), — в басне о лисице, идущей впереди тигра и принимающей на свой счет почтительное поклонение, расточаемое встречными, — конечно, только тигру. Далее, так же как и у нас, лисица в Китае представляется существом, одаренным особой способностью к вкрадчивому лицемерию, легко оболыцающим жертву и потом безжалостно ее же эксплуатирующим. Наконец, все эти качества, на которые жалуется создающий басни и поговорки крепкий задним умом наивный человек, подчеркиваются китайцем, когда он говорит о лисе как об определенно злом существе, одинаковом в этом отношении

с шакалом и волком, хищном, свирепом, отвратительном. Отвращение к лисе видно даже в таком китайском выражении, как «лисий запах», означающем противную вонь, идущую от больных и неопрятных людей из-под мышек.

Однако китайцу — не в пример, по-видимому, прочим — лиса представляется и полезным существом. Не говоря уже о ее шкуре, ценимой не менее, чем где-либо, китайская медицина знает весьма полезные свойства лисьего организма, части которого, например печень, могут исцелять злую лихорадку, истерию, внезапные обмороки, а мясо ее вообще может, как говорят даже солидные китайские медицинские трактаты, — в особенности если его приготовить должным образом — исцелять случаи «крайнего испуга, обмороков, бессвязной речи, беспричинных, безрассудных песен, скопления холода во внутренностях, злостного отравления» и других подобных болезней. Лисья кровь, как говорит в своем знаменитом сочинении один из китайских мыслителей рубежа н. э., сваренная с просом, дает способность избегать опьянения и т. д. и т. д. Одним словом, лиса, оказывается, не так уж безнадежно плоха. Наоборот — и здесь китайская фантазия идет, по-видимому, впереди всех народов, — она оказывается наделенною редким свойством долголетия, достигающего тысячи лет, и, значит, вообще сверхчеловеческими, даже прямо божескими особенностями. Эти качества, прежде всего, делают ее, конечно, доброю, ибо такова воля умиловляющего ее человека, который, страшась и подозревая ее в душе своей, боится ей это показать. Так, девятихвостая белая лисица, жившая в горе Ту, явилась древнему герою китайского исторического предания, императору Юю, и он женился на ней, как герой на фее. «Небесная лиси-

ца, — говорит другое литературное предание, — имеет девять хвостов и золотистую шерсть; она может проникать в тайны мироздания, покоящиеся на чередовании мужского и женского начал».

Эта волшебная фантастика, которую китайский народ, неизвестно даже с какого времени, окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов.

Вы проходите по китайским полям и вдруг видите, что перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором покоится ряд древнего вида сосудов, знамена, значки и все вещи, свойственные, насколько вам известно, только храму. Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое, и слышите в ответ: «Это фея-лиса» (*хусянье*). Она, видите ли, живет где-то тут в норе, и ее упрасивают не вредить бедному народу — и не только не вредить, а наоборот, благодетельствовать ему, как благодетельствуют прочие духи. И вы действительно читаете на знаменах и особых красивых лакированных досках крупные надписи: «Есть у меня просьба — непременно ответишь!», «Смилуешься над нами, стадом живых» и т. д. Словом, лиса становится анонимным божеством, равноправным со всеми другими, которым в Китае имя легион. Вот в этой-то своей роли божества, наделенного к тому же способностью принимать всевозможные формы, начиная от лисы-зверя и кончая лисой-женщиной и лисом-мужчиной, во всяком их дальнейшем разнообразии, смотря по тому, на кого и во имя чего требуется действовать, вот в этом мире превращений лиса и кружит человеческую голову всевозможными химерами, создающими самое необыкновенное течение событий там, где обычная человеческая жизнь проста, убога,

скучна. На этой почве и развились повести и рассказы Ляо Чжая, перевод которых здесь печатается. Перед русским читателем здесь разворачивается самая прихотливая картина сверхъестественного вмешательства лисицы в человеческую жизнь. Она окутывает его злым наваждением, не давая ему жить спокойно в своем же доме и веля поступаться самыми насущными вопросами совести. Она обольщает бедного человека своею нечеловеческой красотой и, воспользовавшись любовью, пьет соки его жизни, а затем бросает в жертву смерти и идет охотиться за другим. Лиса превращает его в бездушного исполнителя своих приказаний, велит ему действовать как во сне, теряя ощущение подлинной жизни. И, боясь злых чар лисы, человек, в сердце которого есть решимость, не знающая сопротивления, объявляет ей войну, ловит ее, рубит ее, натравливает на нее ее врага, сам рискуя пропасть вместе с ней. Однако если он действует исподтишка, если он, вместо того чтобы самому проявить героизм, идет к колдуну за талисманом или если он, облагодетельствованный красотой своей лисьей подруги, желает от нее избавиться подловатым образом, стараясь при этом ничем не рисковать, — то горе ему! От него лиса отнимет все, что когда-либо ему дала, вынет семя жизни и погубит бесповоротно и окончательно.

Но, вмешиваясь таким образом в жизнь человека, лиса не всегда действует зло. Верно, что она мочит глупых людей, глумится над алчными и грубыми, охотящимися за счастьем, которое им на роду не писано. Верно, что она жестоко наказывает за распутство, а главное, за вероломство и подлость по отношению главным образом к ней же, — но разве может все это быть сопоставлено с теми нечеловеческими радостями, которые создает появление в се-

рой и убогой жизни человека обольстительной красавицы, не требующей ничего такого, что осложняет жизнь, и отдающей человеку прямо и решительно, погружая его сразу же в подлинное счастье, в то незаслуженное и огромное, что в жизни творит жизнь и за которое человек идет на все, даже на свою явную погибель. Лиса приходит к человеку сама, влюбляет его в себя, любит его, становится восхитительной любовницей и верной подругой, добрым гением, охраняющим своего друга от злых людей. Она является в жизнь ученого еще более тонкою, чем он сам, и восхищает его неописуемым очарованием, которое человеку, женатому на неграмотной, полуживотной женщине, охраняющей его очаг и отнюдь не претендующей на неиссякающее любовное внимание, является особенно дорогим и которое развертывает всю его сложную личность, воскрешает ее. С легким сердцем устремляется он к своей гибели. Очертя голову и повинувшись зову очарованной души, он сам своими же руками разрывает сети колдуна, в которые попала его чародейка, — и тогда она преобразается, несет ему исцеление и, прощаясь с ним, ловко и легко устраивает ему счастливую, теперь уже мирную жизнь. Однако не претендуй, жалкий человек, на счастье, которого ты не заслуживаешь! Лисий смех, ледяющий душу, раздастся в ответ на твои просьбы, и глупейший мираж будет дан тебе в удел вместо грубого счастья, которое ты цинично себе просишь.

Лиса не только женщина. Она может также явиться человеку и в образе мужчины. Это будет тонко образованный ученый, беседа с которым окрыляет дух; он будет товарищ и друг, преданный беззаветно и искренно, ищущий себе ответа в глубине чужой души, но возмущающийся и казнящий своего това-

рица за всякую попытку использовать его божественную силу в угоду грубому аппетиту. Лис живет вместе с человеком, ничем не отличается, кроме свойственных ему странностей, но иногда он — невидимка и посылает свои чары только одному своему избраннику, сердце которого не заковано обывательским страхом и слепыми россказнями. Лис-невидимка — все тот же преданный друг, иногда, правда, непостижимый в своих действиях, похожих скорее на действия врага, но потом действительно оказывающийся подлинным золотом.

Неся человеку фатальное очарование, приводя его к границе смерти, лиса сама же несет ему исцеление, помогающее, как ничто на свете. Она хранит пилюлю вечной жизни, горящую в вечном сиянии бледной колдуньи-луны и способную оживить даже разложившийся труп. И перед тем как стать бессмертным гением надземных сфер, она еще раз вмешивается в жизнь человека и несет ему мир и счастье.

Переводчик и автор этого предисловия предполагает, что эта фантастика, это причудливое смешение мира действительности с миром невероятных возможностей может волновать русского читателя, если он хоть немного склонен к обособлению от жизни, и дать ему ряд переживаний, которые для русской и европейской литературы вообще необыкновенны и интересны.

Эти «Записи необыкновенного, сделанные Ляо Чжаем» («Ляо Чжай чжи и»), можно сказать, не боясь преувеличения, являются в Китае самой популярной книгой. Более того, принимая во внимание число людей, могущих вообще держать книгу в руках, среди общей массы пятисот миллионов китайцев, мы можем, пожалуй, утверждать, что эта книга

является если не самой известной, то, во всяком случае, из таковых, говоря теперь уж обо всем земном шаре. Благодаря совершенной свободе печати и издательства, отсутствию понятия о праве собственности на какое бы то ни было литературное произведение, раз оно уже увидело свет в печати, благодаря дешевизне труда и бумаги, эту книгу вы встретите в любой книжной лавке, на любом книжном уличном развале или лотке; вы увидите ее в руках у людей самых разнообразных положений и состояний, классов, возрастов. Книгу эту, прежде всего, читает, читает с восторгом и умилением перед образцом литературной изысканности всякий тонко образованный китаец, не говоря уже про людей с образованием по качеству средним и ниже среднего — людей, для которых Ляо Чжай — восхитительная недостижимость. Однако и для тех, кто не особенно грамотен, то есть не имеет того запаса литературного навыка и даже попросту запаса слов, которым располагает образованный китаец, Ляо Чжай — настоящий магнит. Правда, такой читатель понимает сложный, весь блестящий литературной отделкой текст из пятого в десятое, но даже самая фабула, самое мастерство рассказчика, развивающего перед читателем восхитительную картину человеческой жизни, пленяют его настолько, что он не выпускает из рук этой книги и, конечно, не менее образованного знает содержание ее четырехсот с лишком рассказов, как содержание самых ходячих анекдотов.

Однако нам может быть понятно, что читателю этого типа крайне досадно видеть себя в жалком положении человека, питающегося крохами от трапезы господ своих, и он естественным образом всегда стремился, так сказать, к уравниванию своих прав. И вот, если вы пройдете по Пекину, выйдете за во-

рота маньчжурского города, пройдете по главной улице до храма Неба, то в этой части столицы вы увидите ряд чайных, где китайский простолюдин вникает своему *шошуды*, то есть рассказчику, обладающему особым талантом и развитым умением переложить текст и даже стиль Ляо Чжая в такую форму, которая, сохраняя все богатство оригинала, создает особую ритмическую разговорную речь. Таким образом, здесь совершается художественное претворение книжной непонятной речи в живую и понятную, — и китаец неграмотный оказывается точно так же приобщенным к достоинствам Ляо Чжая, как и китаец образованный.

Кто же автор этих рассказов, маг и чародей, сумевший овладеть умами Китая, этой литературной страны, избалованной тысячами поэтов и бесконечным рядом вообще выдающихся писателей?

Пу Сун-лин (по фамилии Пу, по имени Сун-лин), давший себе литературное прозвание, или псевдоним, Ляо Чжай, родился в 1622 году и умер в 1715 году в провинции Шаньдун, находящейся в Восточном Китае, близ морского побережья, с которого простым глазом видны очертания Порт-Артура. Место действия его рассказов почти не выходит за пределы Шаньдуна, и время их не отступает от эпохи жизни самого автора. Вот что о нем рассказывает его, к сожалению, слишком краткая биография, находящаяся в описании уезда Цзычуань, в котором он родился и умер.

«Покойному имя было Сун-лин, второе имя — Лю-сянь, дружеское прозвание Лю-цюань. Он получил на экзамене степень *суйгуна*¹ в 1711 году

---

¹ Нечто вроде «действительного студента» былых дней. — *Примеч. перев.*

и славился среди своих современников тонким литературным стилем, сочетавшимся с высоким нравственным направлением. Со времени своего первого отроческого экзамена он уже был известен такой знаменитости, как Ши Жунь-чжан, и вообще его литературная слава уже гремела. Но вот он бросает все и ударяется в старинное литературное творчество, описывая и воспевая свои волнения и переживания. В этом стиле и на этой литературной стезе он является совершенно самостоятельным и обособленным, не примыкая ни к кому.

И в характере своем, и в своих речах покойный проявлял благороднейшую простоту, соединенную с глубиной мысли и основательностью суждения. Он высоко ставил непоколебимость принципа, всегда называющего только то, что должно быть сделано, и неуклонность нравственного долга.

Вместе со своими друзьями Ли Си-мэем и Чжан Ли-ю, также крупными именами, он основал поэтическое содружество, в котором все они старались воспитать друг друга в возвышенном служении изящному слову и в нравственном совершенстве.

Покойный Ван Ши-чэнь всегда дивился его таланту, считая его вне пределов досягаемости для обыкновенных смертных.

В семье покойного хранится богатейшая коллекция его сочинений, но „Странные истории Ляо Чжая“ („Ляо Чжай чжи и“) особенно восхищают всех нас, как нечто самое вкусное, самое приятное».

Итак, перед нами типичный китайский ученый. Посмотрим теперь, каково содержание его личности как ученого, то есть постольку, поскольку это касается воспитания и вообще культурного показателя. Остальное, не правда ли, уже сообщено в вышеприведенных строках исторической справки.

Китайский ученый отличается от нашего главным образом своею замкнутостью. В то время как наш образованный человек — не говоря уже об ученом — наследует в той или иной степени культуру Древнего мира и Европы, являющуюся вообще сборным соединением разных отраслей человеческого знания и опыта, начиная с религии и кончая химией и чистописанием, — образованный и ученый китаец является — и особенно являлся в то время, когда жил Пу Сун-лин — Ляо Чжай, — наследником и выразителем только своей культуры, причем главным образом литературной. Он начинал не с детских текстов и легких рассказов, а сразу с учения Конфуция и всего того, что к нему примыкает, иначе говоря — с канона китайских писаний, к которым, конечно, можно применить наше слово и понятие «священный», но с надлежащею оговоркой, а именно: они не заимствованы, как у нас, от чуждых народов и не занимаются сверхъестественным откровением, а излагают учение «совершенного мудреца» Конфуция о призвании человека к высшему служению. Выучив наизусть — непременно в совершенстве — и научившись понимать с полною отчетливостью и в согласии с суровой, непреклонной традицией все содержание этой китайской библии, которая, конечно, во много раз превосходит нашу, хотя бы размерами, не говоря уже о трудности языка, — той библии, о которой в нескольких строках нельзя дать даже приблизительного представления (если не сказать в двух словах, что ее язык так же похож на тот, которым говорит учащийся, как русский язык на санскрит), — после этой суровой выучки, на которой «многие силу потеряли» и навсегда сошли с пути образования, китаец приступал к чтению историков, философов разных школ, писа-

телей по вопросам истории и литературы, а главным образом — к чтению литературных образцов, которые он, по своей уже выработанной привычке, неукоснительно заучивал наизусть. Цель его теперь сводилась к выработке в себе образцового литературного стиля и навыка, которые позволили бы ему на государственном экзамене проявить самым достойным образом свою мысль в сочинении на заданную тему, а именно доказать, что он в совершенстве постиг всю глубину духовной и литературной китайской культуры тысячелетий и является теперь ее современным представителем и выразителем.

Вот, значит, в чем заключалось китайское образование. Оно вырабатывало человека, отличающегося от необразованного, во-первых, тем, что он был в совершенстве знаком с тайною языка во всех его стадиях, начиная от архаической, понятной только в традиционном объяснении, и кончая современной, сложившейся из непрерывного роста языка, который впоследствии прошел еще целый ряд промежуточных стадий. Во-вторых, этот человек держал в своей памяти — и притом самым отчетливым образом — богатейшее содержание китайской литературы, в чтение которой он весь был погружен чуть ли не двадцать лет, а то и больше! Таким образом, перед нами человек со сложным миропониманием, созерцающий всю свою четырехтысячелетнюю культуру, и со сложным умением выражать свои мысли, пользуясь самыми обширными запасами культурного языка, ни на минуту не знавшего перерыва в своем развитии.

Таков был китайский интеллигентный человек времен Пу Сунлина. Чтобы теперь представить себе личность самого Ляо Чжая, автора этих странных рассказов, надо к вышеизложенной общей формуле

образованного человека прибавить особо отличную память, поэтический талант и размах выдающейся личности, которой сообщено столь сложное культурное наследие.

Все это и отразилось на пленительных его рассказах, в которых прежде всего заблистал столь известный всякой литературе талант повествователя. Там, где всякий другой человек увидит только привычные формы жизни, прозорливый писатель увидит и покажет нам сложнейшую и разнообразнейшую панораму человеческой жизни и человеческой души. То, что любому из нас, простых смертных, кажется обыденным, рядовым, не заслуживающим внимания, то ему кажется интересным, тесно связанным с потоком жизни, над которым, сам в нем плывя, только он может поднять голову. И наконец, тайны человеческой души, видные нам лишь постольку, поскольку чужая душа находит себе в наших бледных и ничтожных душах кое-какое отражение, разворачиваются перед поэтом во всю ширь и влекут его в неизбывные глубины человеческой жизни.

Однако талантливый повествователь — это только ветвь в лаврах Ляо Чжая. Самым важным в ореоле его славы является соединение этой могучей силы человека, наблюдающего жизнь, подняв голову над стадом двуногих, с необыкновенным литературным мастерством. Многие писали на эти же темы и до него, но, по-видимому, только Ляо Чжаю удалось приспособить утонченный литературный язык, выработанный, как мы видели, многолетней суровой школой, к изложению простых вещей. В этом живом соединении рассказчика и ученого Ляо Чжай поборол прежде всего презрение ученого к простым вещам. Действительно, китайскому ученому, привык-

шему сызмальства к тому, что тонкая и сложная речь передает исключительно важные мысли — мысли Конфуция и первоклассных мастеров литературы и поэзии, которые, конечно, всегда чуждались «подлого штиля» во всех его направлениях, — этому человеку всегда казалось, что так называемое легкое чтение есть нечто вроде исподнего платья, которое все носят, но никто не показывает. И вот является Ляо Чжай и начинает рассказывать о самых интимных вещах жизни таким языком, который делает честь самому выдающемуся писателю важной, кастовой китайской литературы. Совершенно отклонившись от разговорного языка, доведя это отклонение до того, что поселяне-хлебопашцы оказываются у него говорящими языком Конфуция, автор придал своей литературной отделке такую высоту, что члены его поэтического содружества (о котором упоминалось выше) не могли сделать ему ни одного возражения.

Трудно сообщить русскому читателю, привыкшему к вульгарной передаче вульгарных тем, и особенно разговоров, всю ту восхищающую китайца двойственность, которая состоит из простых понятий, подлежащих, казалось бы, выражению простыми же словами, но для которых писатель выбирает слова-намекы, взятые из обширного запаса литературной учености и понимаемые только тогда, когда читателю в точности известно, откуда взято данное слово или выражение, что стоит впереди и позади него, одним словом — в каком соседстве оно находится, в каком стиле и смысле употреблено на месте и какова связь его настоящего смысла с текущим текстом. Так, например, Пу Сун-лин, рассказывая о блестящем виде бога города, явившегося с неба к своему зятю как незримый другим призраком, упо-

требляет сложное выражение в четыре слова, взятых из разных мест классической древней книги античных стихотворений («Шицзин», III, III, 7 и I, V, 3), причем в обоих этих местах говорится о четверке рослых коней, влекущих пышную придворную колесницу. Таким образом, весь вкус этих четырех слов, изображающих парадные украшения лошадей, сообщается только тому, кто знает и помнит все древнее стихотворение, из которого они взяты. Для всех остальных это только непонятные старые слова, смысл которых в общем как будто говорит о том, что получалась красивая, пышная картина. Разница впечатлений такова, что даже трудно себе представить что-либо более удаленное одно от другого. Затем, например, рассказывая о странном монахе, в молодом теле которого поселилась душа глубокого старца, Пу пользуется словами Конфуция о самом себе («Луньюй», II, 4): «Мне, — говорит китайский мудрец, — было пятнадцать — и я устремился к учению; стало тридцать — и я установился...» Теперь фраза Пу гласит следующее: «Лет ему (монаху) — только „и установиться“, а рассказывал о делах, случившихся восемьдесят, а то и больше лет тому назад». Значит, эта фраза понятна только тем, кто знает вышеприведенное место из Конфуция, и окажется, что монаху было тридцать лет, следовательно, перевести эту фразу на наш язык надо было бы так: «Возраст его был всего-навсего, как говорит Конфуций: „когда только что он установился“, а рассказывал...» и т. д. Одним словом, выражения заимствуются Пу Сун-лином из контекста, из связи частей с целым. Восстановить эту ассоциацию может только образованный китаец. О трудностях перевода этих мест на русский язык не стоит и говорить.

Однако все это — еще сущие пустяки. В самом деле, кто из китайцев не знал (в прежнее, дореформенное время) классической литературы? Наконец, всегда можно было спросить даже простого учителя первой школы, и он мог или знать, или догадаться. Другое дело, когда подобная литературная цветистость распространяется на все решительно поле китайской литературы, задевая историков, и философов, и поэтов, и всю плеяду писателей. Здесь получается для читателя настоящая трагедия. В самом деле, чем дальше развивает отборность своих выражений Пу Сун-лин, тем дальше от него читатель. Или же, если последний хочет приблизиться к автору и понимать его, сам должен стать Пу Сун-лином, или, наконец, обращаться поминутно к словарю. И вот, чтобы идти навстречу этой потребности, современные издатели рассказов Ляо Чжая печатают их вместе с толкованиями цветистых выражений, приведенными в той же строке. Конечно, выражения, переведенные и объясненные выше как примеры, ни в каких примечаниях не нуждаются, ибо известны каждому мало-мальски грамотному человеку.

Таким образом, вот тот литературный прием, которым написаны повести Ляо Чжая. Это, значит, вся сложная культурная ткань древнего языка, привлеченная к передаче живых образов в увлекательном рассказе. Волшебным магнитом своей богатейшей фантазии Пу — Ляо Чжай заставил кастового ученого отрешиться от представления о литературном языке как о чем-то важном и трактующем только традиционные темы. Он воскресил язык, извлек его, так сказать, из амбаров учености и пустил в вихрь жизни простого мира. Это ценится всеми, и до сих пор образованный китаец втайне думает, что вся его

колоссальная литература есть скорее традиционное величие и что только на повестях Ляо Чжая можно научиться живому пользованию языком ученого. С другой же стороны, простолюдин, не имевший времени закончить свое образование, чувствует, что Ляо Чжай рассказывает вещи, ему родные, столь милые и понятные, и одолевает трудный язык во имя близких ему целей, что, конечно, более содействует распространению образования, нежели самая свирепая и мудрая школа каких-либо систематиков.

В повестях Ляо Чжая почти всегда действующим лицом является студент. Китайский студент отличается от нашего, как видно из сказанного выше, тем, что он может оставаться студентом всю жизнь, в особенности если он неудачник и обладает плохой памятью. Мы видели, что и сам автор повестей Пу выдержал мало-мальски сносный экзамен лишь в глубокой старости. Мягко обходя этот вопрос, историческая справка, приведенная на предыдущих страницах, не говорит нам о том, что составляло трагедию личности Пу Сун-лина. Он так и не мог выдержать среднего экзамена, не говоря уже о высшем, и, таким образом, стремление каждого китайского ученого стать «государственным сосудом» встретило на его пути решительную неудачу. Как бы ни объясняли себе — он, его друзья, почитатели и, наконец, мы — эту неудачу, сколько бы мы ни говорили, что живому таланту трудно одолеть узкие рамки скучных и вязких программ с их бесчисленными параграфами и всяческими рамками, выход из которых считается у экзаменаторов преступлением, — все равно: жизнь есть жизнь, а ее блага создаются не индивидуальным пониманием вещей, а массовой оценкой, и потому бедный Ляо Чжай глубоко и остро чувствовал свое жалкое положение вечного студен-

та, отравлявшее ему жизнь. И вот он призывает своим раненым сердцем всю фантастику, на которую только способен, и заставляет ухаживать за студентом мир прекрасных фей. Пусть, думается ему, в этой жизни бедный студент горюет и трудится. Вокруг него порхает особая, фантастическая жизнь. К нему явятся прекрасные феи, каких свет не видывал... Они подарят ему счастье, от которого он будет вне себя, они оценят его возвышенную душу и дадут ему то, в чем отказывает ему скучная жизнь. Однако он — студент, ученик Конфуция, его апостол. Он не допустит, как сделал бы всякий другой на его месте, чтобы основные принципы справедливости, добра, человеческой глубины человеческого духа и вообще незыблемых идеалов человека были попорчены вмешательством химеры в реальную жизнь. Он помнит, как суров и беспощаден был Конфуций в своих приговорах над людьми, потерявшими всякий масштаб и в упоении силы начинающими приближаться к скоту, — да! он это помнит и свое суждение выскажет всегда, чего бы это ему ни стоило. И как в языке Ляо Чжая собрано все культурное богатство китайского языка, так и в содержании его повестей собрано все богатство человеческого духа, волнуемого страстью, гневом, завистью и вообще тем, что всегда его тревожило, — и все это богатство духа вьется вихрем в душе вечно юного китайского студента, стремящегося, конечно, поскорее уйти на трон правителя, но до этих пор носящего в себе незыблемо живые силы, сопротивляющиеся окружающей пошлости темных людей.

Кружа таким образом своей мыслью около своей неудачи и создавая свой идеал в размахе страстей жизни, бедный студент сумел, однако, высказаться положительно и вызвал к себе отношение, далеко

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
Химеры Пэн Хай-цю	28
Лиса острит	38
Хэн-нян о чарах любви	46
Чжэнь и его чудесный камень	52
Крадет персик	57
Оскорбленный Ху	61
Невеста-монахиня Чэнь Юнь-ци	66
Седьмая Сяо и ее сестра	81
Царица Чжэнь	89
Чудеса Второй девочки	95
Проказы Сяо-цуй	104
Целительница Цзяо-но	118
Си-лю это знала!	131
Изгнанница Чан-э	142
Что видел пьяный Ван Цзы-ань	159
Чародей Гун Мэн-би	163
Преданная Я-тоу	174
Лис Чжоу Третий	186
Странник Гун	188
Вещая сваха Фэн Третья	193
Искусство наваждений	205
Подвиги Синь Четырнадцатой	210

Смешливая Ин-нин	228
Четвертая Ху	245
Лис выдает дочь замуж	251
Товарищ пьяницы	257
Чародейка Лянь-сян	259
Лиса-урод	278
Лисий сон	282
Дева-лиса	289
Лис из Вэйшуя	291
Мохнатая лиса	294
Лиса-наложница	299
Красавица Цин-фэн	306
Лис-невидимка, Ху Четвертый	315
Злая тетушка Ху	322
Великий Князь Девяти Гор	325
Примечания. В. Алексеев	332